Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (19), 2022.
Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 84 (2 Рос=Рус)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-133-146
https://elibrary.ru/FECOUL

© 2022. Елена Тахо-Годи
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
«Дом А.Ф. Лосева» — научная библиотека и мемориальный музей
Москва, Россия

Личность Раскольникова как символ: А.Ф. Лосев и Ф.М. Достоевский

© 2022. Elena A. Takho-Godi
Lomonosov Moscow State University
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
“A. F. Losev House” — Research Library and Memorial Museum
Moscow, Russia

Raskolnikov’s Personality as a Symbol: A.F. Losev and F.M. Dostoevsky

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Тахо-Годи, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1-й учебный корпус, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; заведующая отделом, «Дом А.Ф. Лосева» — научная библиотека и мемориальный музей, ул. Арбат, д. 33, 119002 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-6907-8656
E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу восприятия философом Алексеем Федоровичем Лосевым (1893–1988) творчества Ф.М. Достоевского, прежде

всего романа «Преступление и наказание». Автором констатируется перманентный интерес мыслителя к наследию Достоевского, начиная с 1900-х годов и вплоть до последних дней жизни, но особое внимание уделяется суждениям о Достоевском в книгах «Диалектика мифа» (1930) и «Проблема символа и реалистическое искусство» (1976), в докладе «О мифологии в литературе» (1983), в эпистолярии 1932–1933 годов, когда Лосев находился в заключении в исправительно-трудовом лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала, а также в художественной прозе 1930–1940-х годов (рассказ «Жизнь», роман «Женщина-мыслитель). При рассмотрении центральной проблемы — выявления имплицитной сути лосевской интерпретации личности Родиона Раскольникова как символа и связи этой интерпретации с историософской концепцией становления «единой всемирно-человеческой мифологии», попутно затрагиваются и другие не менее существенные вопросы: понимание Лосевым мифологического реализма Достоевского в целом, его внимание к первичным моделям, определяющим стиль идеологических романов Достоевского, осмысление обоими авторами метафизики преступления, их отношение к христианскому наполнению идей «жертвы» и «страдания», лосевская автопроекция на роман «Преступление и наказание» в переписке с женой в эпоху пребывания в исправительно-трудовом лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала, обусловленная тем, что философ на собственном опыте, биографически переживает сюжет «преступление–наказание», что актуализирует в его подсознании каторжный опыт самого Достоевского и его героя.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», Лосев, мифология, символ, христианство, философия, литература, автопроекция.

Для цитирования: *Тахо-Годи Е.А.* Личность Раскольникова как символ: А.Ф. Лосев и Ф.М. Достоевский // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3(19). С. 133–146. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-133-146

Information about the author: Elena A. Takho-Godi, DSc in Philology, Professor at the Department of History of Russian literature at Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Head of the Department, “A.F. Losev House” — Research Library and Memorial Museum, Arbat 33, 119002 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6907-8656

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the philosopher Alexei F. Losev’s (1893–1988) perception of Fyodor Dostoevsky’s works, especially of his novel *Crime and Punishment*. The author notes the thinker’s permanent interest in Dostoevsky’s legacy, starting from the 1900s and to the last days of his life. Special attention is paid to the reflections on Dostoevsky in Losev’s books *The Dialectics of Myth* (1930) and *The Problem of Symbol and Realistic Art* (1976), as well as in the report *On Mythology in Literature* (1983). Equally important are his epistolary legacy of 1932-1933 when Losev was imprisoned in a correctional labor camp on the construction of the White

Sea Canal, and his fiction of the 1930s–1940s (the short story *Life*, the novel *The Woman-Thinker*).

The central problem is the identification of Losev's implicit understanding of Rodion Raskolnikov's personality as a symbol – and the connection of this interpretation with Losev's historiosophic concept of the formation of a "holistic universal human mythology". Alongside this central problem other questions, no less significant, are addressed in the article: Losev's understanding of Dostoevsky's mythological realism as a whole and his attention to the early models determining the style of Dostoevsky's ideological novels; both authors' comprehension of the metaphysics of crime and their attitude to the Christian understanding of the concepts of "sacrifice" and "suffering". Another important issue is Losev's auto-projection on the novel *Crime and Punishment*, revealed in correspondence with his wife during his imprisonment in the labor camp. This auto-projection was due to the fact that the philosopher suffered from the "crime & punishment" syndrome first-hand, biographically, so to speak, which actualized the penal colony experience of Dostoevsky and of his literary hero in Losev's own subconscious.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Losev, mythology, symbol, Christianity, philosophy, literature, autoprojection.

For citation: Takho-Godi, E.A. "Raskolnikov's personality as a symbol: A.F. Losev and F.M. Dostoevsky." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (19), 2022, pp. 133–146. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-133-146

Творчество Ф.М. Достоевского привлекало А.Ф. Лосева на протяжении всей жизни, на что уже не раз обращали внимание исследователи, см.: [Тахо-Годи, 2007; Димитров, 2007; Димитров, 2010; Тахо-Годи, 2013]. На примеры из Достоевского, из «Преступления и наказания», «Бесов» и «Братьев Карамазовых», философ ссылался и в конце 1920-х годов в «Диалектике мифа» [Лосев, 2021], и в работах 1970-х годов, прежде всего в книге «Проблема символа и реалистическое искусство» [Лосев, 2014]. Для Лосева романы Достоевского — это «невероятная смесь тончайшего интеллектуализма, интимнейшего иррационализма, острейшего ощущения мифологизма и мирового катастрофизма» [Лосев, 2009, с. 419]. В 1985 году в интервью Виктору Ерофееву он признавался, что чтение Достоевского было для него одним из важнейших мировоззренческих событий юности [Лосев, 1985]. Так что неудивительно, что и в собственной лосевской прозе 1930–1940-х годов [Лосев, 2002] много пересечений с Достоевским (об этом подробнее смотри в моей книге: [Тахо-Годи, 2007]). Так, в рассказе «Жизнь» (1942) споры персонажей с главным героем Алешей об отношении к жизни и миру заставляют вспомнить о разговорах Ивана Карамазова

с братом Алешей о неприятии мира Божьего. Выдвигая на первый план мотив «философского убийства» в романе «Женщина-мыслитель» (1933), Лосев сознательно ориентируется на Достоевского, рискнувшего «включить религиозную драму в фабулу бульварного романа» [Гроссман, 1925, с. 174]. Как у Достоевского, у Лосева сюжет об убийстве развивается на фоне отвлеченных философских разговоров и скандалов. «Скандал» выполняет тут ту же функцию, что и у Достоевского: это предвосхищение «в карикатурах катастрофы», «когда истинно-катастрофическое еще не созрело и наступить не может» [Иванов, 1971–1987, т. 4, с. 412]. В убийце героини романа Радиной, в Воробьеве, соединены несколько линий — и «рогожинская», и «раскольниковская». «Рогожинская» заключается в том, что Воробьев безумно влюблен в Радину, ревнует ее, убивает в состоянии аффекта. Но Воробьев действует и как Раскольников, под влиянием философской идеи — убийством он хочет восстановить единство жизни и искусства. В итоге, гибнет и Радина, и сам Воробьев, обречен на страдания и главный герой романа философ и писатель Николай Вершинин. Так, в романе Лосева метафизическое, духовное преступление одного провоцирует реальное преступление другого, порождает страдания третьего аналогично тому, как в «Братьях Карамазовых» Достоевского метафизический грех Ивана становится причиной и преступления Смердякова, и страданий Дмитрия. «Весь сложный сыск» здесь, как писал Вяч. Иванов, «ведется с одной целью: установить состав метафизического преступления в преступлении эмпирическом; и выводы этого сыска оказываются подчас иными, нежели итоги земной вины» [Иванов, 1971–1987, т. 4, с. 424].

В докладе «О мифологии в литературе», сделанном в 1983 году, Лосев вводит в связи с Достоевским понятие мифологического реализма, требуя четкого «отличия мифологического реализма от всех других типов реализма» [Лосев, 2013a, с. 566]. Психология у Достоевского «мифологична», по Лосеву, потому, что является одним из путей постижения отношений Бога и человека. Для Лосева несомненно, что в романах Достоевского отражается религиозное мироощущение писателя, его стремление напомнить читателю о символическом значении реальной жизни, о высоком значении тварного мира, его «обожении», об опасности отвлеченных идей, приводящих человека в духовные тупики, провоцирующие на преступление. «Определенные *типы общественных и личных отношений*» [Лосев,

2019, с. 246] являются, по Лосеву, теми первичными моделями, которые определяют стиль идеологических романов Достоевского, см.: [Лосев, 1995, с. 151–152]. Намеченный Достоевским путь от «Преступления и наказания» к «Бесам» и «Братьям Карамазовым» для Лосева, судя по главке о взаимоотношениях Достоевского и Вл. Соловьева из книги «Владимир Соловьев и его время», есть символическая историософская перспектива, которая указывает на «жуткий переход от крайнего индивидуализма и эгоизма ко всеобщему деспотизму и общественно-политическому абсолютизму» [Лосев, 2009, с. 419].

Но как понимает Лосев сами термины «миф», мифология», «символ»? Для Лосева «*мифология есть воплощение действительности*» [Лосев, 2013, с. 569], «миф есть субстанциальное объединение идеального и реального» [Лосев, 2013а, с. 570], или другими словами «есть сама вещь, в ее сути» [Лосев, 2013а, с. 570], а символ — самотождественное различие обозначаемого и обозначающего; причем означающее и означаемое тут диалектически связаны друг другом: «по своему субстрату они — разные, а по своему смыслу — одно и то же» [Лосев, 2014, с. 78].

В параграфе о Достоевском в книге 1976 года «Проблема символа и реалистическое искусство» Лосев показывает, как в совершенно разных произведениях Достоевского — в «Вечном муже», в «Двойнике», в «Записках из подполья» «предварительные действия противоречат <...> последующим», но «тем не менее они являются их бессознательными символами одно в отношении другого» и одно осмысляется через другое [Лосев, 2014, с. 79]. Так, «в “Вечном муже” Достоевского Павел Павлович ухаживает за Вельчаниновым <...> и “во время этого тщательнейшего ухода за больным <...> пытается зарезать спящего Вельчанинова бритвой”. Он изначально ехал, чтоб зарезать Вельчанинова, хотя вроде бы даже об этом не думал, а думал, что едет “обняться и заплакать”. “Заплакать и обняться — это нечто противоположное желанию зарезать. Тем не менее оно здесь является символом зарезывания и впервые только через него осмысляется» [Лосев, 2014, с. 78].

Приводя подобные примеры, Лосев указывает и на «Преступление и наказание», на встречу Свидригайлова с Раскольниковым в трактире на Забалканском проспекте. То, что Раскольников забывает о назначенной встрече, но все-таки приходит на Забалканский проспект, Свидригайлов объясняет тем, что Раскольников

механически запомнил адрес и «повернул[и] сюда механически» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 357]. Однако это забвение и этот приход для Лосева отнюдь не просто механичны, но символичны: и здесь, пишет Лосев, «предварительное действие противоречит <…> последующему», но «тем не менее оно является <…> бессознательным символом одного в отношении другого» [Лосев, 2014, с. 79]. По Лосеву, «личность Раскольникова вместе со всем его поведением и переживаниями есть символ, то есть та основная функция, которая в романе “Преступление и наказание”, выражаясь математически, раскладывается в бесконечный ряд поступков Раскольникова. Один из членов этого ряда — бессознательная встреча Раскольникова со Свидригайловым при полной беспамятности одного из них» [Лосев, 2014, с. 80].

Если мы ограничимся только рамками процитированного текста из лосевской книги 1976 года, останется не вполне ясным — что же именно символизирует личность Раскольникова по Лосеву. Чтобы понять это, необходимо обратиться к лосевской «Диалектике мифа» 1930 года.

В «Диалектике мифа» автор подчеркивает, что «всякая реальная мифология содержит в себе» три момента, а именно: 1) о первозданном светлом бытии, 2) об историческом процессе и 3) о «дошедшей до степени самосознания себя в инобытии первозданной сущности» [Лосев, 2021, с. 238]. По трансформациям «этой внутри-мифической триады можно судить об основной идее, лежащей в основе той или другой мифологии» [Лосев, 2021, с. 238]. Лосев пишет: «Так, **одна** идея выражена в греческой мифологии, где из Хаоса возникают Уран и Гея и процесс доходит до светлого царства олимпийских богов; **другая** идея лежит в основе двухсоставной мифологии христианства, где отдельно дается триадическое деление в сфере Божества (пресв. Троица) и отдельно мифическая история твари <…> **третья** идея лежит в основе новоевропейской мифологии, где тезисом является тоже Хаос, но только не греческий, а похуже, так, какая-то глина, не то — навоз, “материя”, антитезисом — “сила” и “движение”, направляемые неизвестно кем и неизвестно куда, царство абсолютного случая и слепого самоутверждения, синтезом — механика атомов, в которой нет ни души, ни сознания, ни разумной воли, ни истории. **Четвертая** идея лежит в основе той мифологии, которая, узревши истину второй из указанных мифологий, начинает задыхаться в тисках только что указанной третьей и, не будучи в состоянии ее преодолеть, испы-

тывает глухую и неисповедимую жажду жизни, жажду утерянного блаженного и мирного, наивного состояния духа, когда все просто кругом и мило, когда родина и вечность слиты в одну ласку и молитву бытия» [Лосев, 2021, с. 238–239]. И вот тут-то философ вспоминает о Достоевском и о его романе «Преступление и наказание»: он утверждает, что в романе Достоевского изображен «первичный и основной прасимвол» [Лосев, 2021, с. 239] именно этой четвертой мифологии, т.е. когда узревши истину мифологии христианства, герой начинает задыхаться в тисках новоевропейской мифологии.

Такая трактовка, конечно, связана с собственной лосевской историософией, в соответствии с которой в основе всех отдельных, «относительных», мифологий лежит «единая всемирно-человеческая мифология», «постепенно осуществляемая путем смены одной религиозно-мифологической и, следовательно, исторической системы — другою» [Лосев, 2021, с. 239]. С учетом «Диалектики мифа» становится понятным и то, что имел в виду философ, когда в докладе 1983 года «О мифологии в литературе» говорил, что в романах Достоевского «человек дошел до крайности самосознания — и оказался внутри мифа», что в этих романах «внутри мифа» совершается «величайшее духовное осознание своей мерзости», когда «индивидуалист» доходит «до исповеди своей гадости, своего ничтожества» [Лосев, 2013а, с. 568].

При этом, именуя личность Раскольникова «символом», Лосев неслучайно заговаривает о математике и раскладывании его поступков в бесконечный ряд. По Лосеву, «бесконечное — там <...>, где бытие вскрывает свое *внутреннее содержание*» [Лосев, 2013б, с. 486]. В бесконечности «мы двигаемся вместе с алогическим инобытием становления в неопределенную даль — и в то же время оказывается, что все этапы нашего возможного пути уже пройдены, что все будущие точки нашего движения уже содержатся в первом же, только что сделанном шаге. То же получится, если мы в алогическую мглу становления станем вводить структурные моменты, т. е. из этого становления, из этого становящегося мрака, как из некоей глины, будем созидать те или иные смысловые фигурности» [Лосев, 2013б, с. 487]. Аналогично в бесконечный ряд раскладываются поступки Раскольникова, но все будущие точки его движения уже содержатся в первом же, только что сделанном шаге.

Действительно, уже на первой странице романа Достоевского мы видим не только «поддразнивающие монологи о собственном бесси-

лии и нерешимости», пробу своему предприятию, этой «“безобразной” мечты» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 7] Раскольникова, но и «Лизаветину работу» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 9] — горящую лампаду перед небольшим образом в углу комнаты старухи-процентщицы — те самые, в лосевской терминологии, два полюса — преступной новоевропейской мифологии, когда всё позволено, и требующей покаяния в «“безобразных” мечтах» мифологии христианства. И одновременно видим внутреннюю готовность Раскольникова к разочарованию в своих «новоевропейских» замыслах. Недаром выйдя от процентщицы (путь к преступлению, к духовной гибели) и перед встречей с Мармеладовым (открывающей путь к Соне — к духовному спасению) он покаянно восклицает: «О Боже! как это все отвратительно! И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! — прибавил он решительно. — И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 10].

Для Лосева исповедь героев Достоевского — это исповедь не в узких пространственных и временных рамках, здесь и сейчас, а в бесконечности и вечности, ибо речь идет не о частном случае, но о мировой драме спасения души. Символом этой мировой драмы и является для философа герой Достоевского — Родион Раскольников.

В заключение обращу внимание еще и на такой существенный момент, как лосевская автопроекция на роман «Преступление и наказание» в переписке с женой в эпоху пребывания в исправительно-трудовом лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала, куда он попал за издание «Диалектики мифа». В письме от 6–9 марта 1932 года философ-узник апеллирует к одному из важнейших символических образов романа — «дрожащей твари» — при объяснении собственных ощущение и переживаний: «Нисколько не утешают слова о том, что все это заслужено или что все это так и должно быть. Против этого возражать трудно. Да, заслужено, тысячу раз заслужено, и миллион раз так должно быть. Но разве избиваемому животному, которое тащит на гору воз, легче от того, что ему объяснят необходимость этого поднятия на гору? Как только начну подыскивать образ, который бы наиболее точно выразил мое существование, — всегда возникает образ “дрожащей твари”, какой-нибудь избитой и голодной собачонки, которую выгнали в ночную тьму на мороз» [Лосев, Лосева, 2005, с. 47].

Через полтора года, в письме, написанном незадолго до освобождения из лагеря, в канун лосевского сорокалетия, с текстом Достоевского ассоциируются мысли о жизни, будущем, неизбежности физической смерти: «Как ни тоскливы и как ни мучительны эти дни для меня, сырые, холодные, бессмысленные дни одиночества, и физического, и духовного одиночества (ибо где друзья мои и кому расскажу душу свою?), все-таки как раз в эти дни чувствую на глубине души ровное и тихое спокойствие и тайное мужество перед всеми бедами, окружающими меня и каждую минуту готовыми растерзать меня, и перед всем нарочитым бессмыслием жизни.

Хотелось бы иначе устроить жизнь; и хотелось бы, прежде всего, жить, жить — все равно как, но лишь бы с каким-нибудь маленьким смыслом, религиозным, философским, научным, художественным, общественным, каким угодно, каким-нибудь маленьким и ощутимым смыслом. Но если этого нет или, что вернее, если этого не дано видеть и ощущать, то — что ж! — пусть будет так! Я согласен и на это! Я на все согласен! В конце концов надо же когда-нибудь будет умирать и надо же будет когда-нибудь расставаться не только со смыслом жизни, но и с самой жизнью. Надо же будет когда-нибудь прекратиться беспокойному и жаждущему уму, вечно любопытному и трепетному сердцу! Так не все ли равно, в конце концов, для философа, когда умирать и не те же ли вопросы приходится решать о смерти через 20 или 30 лет, что и сейчас, вот, примерно 14 сентября 1933 года?» [Лосев, Лосева, 2005, с. 87–88].

Здесь, как видим, возникает не только явная реминисценция из монолога Раскольникова, процитированного в 1930 году в «Диалектике мифа» («хотелось бы, прежде всего, жить, жить — все равно как» — ср. у Достоевского: «Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить, — только жить!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 123]), но и скрытый параллелизм собственной исповеди («ибо где друзья мои и кому расскажу душу свою?») с тем, как Достоевский передает размышления о будущем попавшего на каторжные работы Родиона Романовича: «Тревога беспредметная и бесцельная в настоящем, а в будущем одна беспрерывная жертва, которою ничего не приобреталось, — вот что предстояло ему на свете. И что в том, что чрез восемь лет ему будет только тридцать два года и можно снова начать еще жить! Зачем ему жить? Что иметь в виду? К чему стремиться? Жить, чтобы существовать? Но он тысячу раз и прежде готов был отдать свое существование за идею, за надежду, даже за фантазию.

Одного существования всегда было мало ему; он всегда хотел большего. Может быть, по одной только силе своих желаний он и счел себя тогда человеком, которому более разрешено, чем другому» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 417].

Лосевскому ассоциативному ходу мысли, конечно, содействует то, что он, по сути, лично, биографически переживает сюжет «преступление–наказание»: отправка за «идею» на каторгу, пусть и советскую, актуализирует в подсознании каторгу самого Достоевского, и его героя, совершившего двойное убийство и ограбление не из корысти, но по идее («Его идея: взять во власть это общество» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 155]). Для Лосева раздумья о том, как жить и для чего жить, накануне освобождения, перед возвращением в советскую действительность, приобретают исключительный экзистенциальный накал. Как очевидно, философ готов жить на «аршине пространства», но ему нужно, чтобы на этом «аршине» все-таки можно было найти идею, дающую смысл существованию. Однако идея идее рознь. Если «“безобразная” мечта» вела Раскольникова в подполье, на погибель души, на вечный «аршин» ада, в небытие, то Лосев ищет идею, которая, пусть и на «аршине пространства», приобщала бы человека к райской радости, к полноте вечной жизни, к духовной свободе. С лосевской точки зрения, все это может дать идея добровольного самопожертвования. Для Раскольникова, несмотря на любовь к Соне и явку с повинной, жертва — не идея, потому что, как ему кажется, жертвой «ничего не приобреталось». Главному герою лосевского рассказа «Жизнь», напротив, осознание «великой идеи» [Лосев, 2002, т. 2, с. 521] — Небесной Родины, во имя которой легка любая жертва, любое страдание, позволяет подняться над «жизненным процессом», преодолеть страх смерти, поверить в жизнь вечную и воскликнуть: «Я не умру! Мое дело не умрет. Идея моя не умрет!» [Лосев, 2002, т. 2, с. 521; о лосевском рассказе «Жизнь» подробнее см.: Тахо-Годи, 2018; Тахо-Годи, 2021]. Основой для схождений Лосева и Достоевского оказывается уверенность в том, что «есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 154–155], уверенность, по мнению великого романиста, лежащая в основе и его романа «Преступление и наказание», и в целом всего «православного воззрения» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 154].

Еще студентом Лосев не только скопирует в дневник поучения старца Зосимы, но и начнет задаваться тем «праздным» (в кавычках)

вопросом, которым задавался автор «Записок из подполья»: «<...> что лучше — дешевое ли счастие или возвышенные страдания?» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 178]. В 1915 году Лосев запишет в дневнике: «Страдание — что может быть выше, возвышеннее, совершеннее? Жизнь наша — страдания; и надо уметь находить в этом мире страданий *Бога*...» [Лосев, 2002, т. II, с. 462]. Именно это умение найти Христа в страдании и привлекает Лосева как религиозного мыслителя в Достоевском, позволяет ему видеть в нем одно из значительнейших явлений русской литературы XIX, по своему масштабу сопоставимое с шекспировскими трагедиями. «Такой чудовищной, буйной глубины, как у Шекспира, ни у кого больше нет. Разве что Достоевский» [Лосев, 2002, т. II, с. 548–549], — говорил Лосев своему собеседнику, В.В. Бибихину, в 1970-е годы. С точки зрения философа, только у Достоевского нет обычных для литературы XIX столетия «мелких и пошлых страстишек», «западного блуда замороженных душ» [Лосев, 1999, с. 270]. Пусть Достоевский изображает пьянство, блуд, как с ума сходят, «но главный смысл остается, потому что Достоевский глубоко верит в Христа» [Бибихин, 2002, с. 288].

Вместе с тем в лагерных письмах Лосев явно проецирует на себя то, что писал в «Диалектике мифа» о Раскольникове, узревшем истину христианства и задыхающемся в тисках новоевропейской мифологии. Таковым было самоощущение философа, задыхавшегося от «безумия атеизма» [Лосев, Лосева, 2005, с. 51] и от «невозможности выразиться и высказаться» [Лосев, Лосева, 2005, с. 57] в тисках мифологии советской эпохи.

Список литературы

1. Бибихин, 2002 — *Бибихин В.В.* А.Ф. Лосев о литературе вообще и о Вяч. Иванове в частности // Вячеслав Иванов — творчество и судьба / отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи; сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2002. С. 283–288.

2. Гроссман, 1925 — *Гроссман Л.П.* Поэтика Достоевского. М.: Государственная академия наук, 1925. 191 с.

3. Димитров, 2010 — *Димитров Э.* Достоевский и Лосев: к вопросу об общении в «большом времени» // Достоевский: Материалы и исследования. 2010. Вып. 19. С. 58–75.

4. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

5. Иванов, 1971–1987 — *Иванов Вяч.* Собр.соч.: в 4 т. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987.

6. Лосев, 1985 – *Лосев А.Ф.* В поисках смысла / беседу вёл В. Ерофеев // Вопросы литературы. 1985. № 10. С. 205–231.

7. Лосев, 1995 – *Лосев А.Ф.* Диалектика художественной формы // *Лосев А.Ф.* Форма. Стиль. Выражение / сост. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1995. 944 с.

8. Лосев, 1999 – *Лосев А.Ф.* Личность и Абсолют / сост. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М.: Мысль, 1999. 719 с.

9. Лосев, 2002 – *Лосев А.Ф.* «Я сослан в XX век...»: в 2 т. / под ред. А.А. Тахо-Годи; сост. и коммент. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; предисл. Е.А. Тахо-Годи. М.: Время, 2002.

10. Лосев, 2009 – *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 617 с.

11. Лосев, 2013а – *Лосев А.Ф.* О мифологии в литературе / подгот. текста и прим. Е.А. Тахо-Годи // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации / отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2013. С. 564–570.

12. Лосев, 2013б – *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики / публ. А.А. Тахо-Годи; послесл., коммент. и примеч. к тексту В.П. Троицкого. М.: Academia, 2013. 797 с.

13. Лосев, 2014 – *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / сост. А.А.Тахо-Годи и В.П.Троицкого. М.: Русскiй мiр, 2014. 736 с.

14. Лосев, 2019 – *Лосев А.Ф.* Учение о стиле / общ. ред. и сост. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи; вст. статья К.В. Зенкина. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 456 с.

15. Лосев, 2021 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное) / сост., вступ. статья А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; коммент. В.П. Троицкого. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 696 с.

16. Лосев, Лосева 2005 – *Лосев А.Ф., Лосева В.М.* «Радость на веки»: Переписка лагерных времен / сост., коммент. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; предисл. А.А. Тахо-Годи; послесл. Е.А. Тахо-Годи. М.: Русский путь, 2005. 263 с.

17. Тахо-Годи, 2007 – *Тахо-Годи Е.А.* Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. 399 с.

18. Тахо-Годи, 2013 – *Тахо-Годи Е.А.* А.Ф. Лосев и Ф.М. Достоевский (лосевский доклад 1983 г. в Доме литераторов) // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации / отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи; сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2013. С. 557–563.

19. Тахо-Годи, 2018 – *Тахо-Годи Е.А.* «Мы – только всплески на общем море бытия»: О мотивах «Небесной Родины», «жертвы» и «мирового древа» в рассказе Алексея Лосева «Жизнь» // Русская словесность. 2018. № 5. С. 82–89.

20. Тахо-Годи, 2021 – *Тахо-Годи Е.А.* «Философия жизни» А.Ф. Лосева: новые материалы к теме. Лосев А.Ф. Жизнь / публ. и подгот. текста Е.А. Тахо-Годи // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 173–183. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-173-183

21. Димитров, 2007 – *Димитров Е.* Достоевски и Лосев: Към въпроса за общуването в «голямото време» // Философски алтернативи (София). 2007. № 4. С. 75–87.

References

1. Bibikhin, V.V. "A.F. Losev o literature voobshche i o Viach. Ivanove v chastnosti" ["A.F. Losev on Literature in General and on Vyacheslav Ivanov in Particular"]. *Viacheslav Ivanov — tvorchestvo i sud'ba* [*Vyacheslav Ivanov: Creativity and Destiny*], ed. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi, comp. by E.A. Takho-Godi, Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 283–288. (In Russ.)

2. Grossman, L.P. *Poetika Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Poetics*]. Moscow, Gosudarstvennaia akademiia nauk Publ., 1925. 191 p. (In Russ.)

3. Dimitrov, E. "Dostoevskii i Losev: k voprosu ob obshchenii v 'bol'shom vremeni'" ["Dostoevsky and Losev: On the Question of Communication in 'Big Time'"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 19, St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 58–75. (In Russ.)

4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

5. Ivanov, Viach. *Sobranie sochinenii*: *v 4 tomakh* [*Collected Works in 4 vols*]. Bruxelles, Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. (In Russ.)

6. Losev, A.F. "V poiskakh smysla, besedu vel V. Erofeev" ["In Search of Meaning, Interview by V. Erofeev"]. *Voprosy literatury,* no. 10, 1985, pp. 205–231. (In Russ.)

7. Losev, A.F. "Dialektika khudozhestvennoi formy" ["The Dialectic of Artistic Form"]. Losev A.F. *Forma. Stil'. Vyrazhenie* [*Form. Style. Expression*], comp. by A.A. Takho-Godi, Moscow, Mysl' Publ., 1995. 944 p. (In Russ.)

8. Losev, A.F. *Lichnost' i Absoliut* [*Personality and Absolute*]. Comp. by A.A. Takho-Godi, V.P. Troitskii. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 719 p. (In Russ.)

9. Losev, A.F. *"Ia soslan v XX vek...": v 2 tomakh* [*"I am Exiled to the 20th Century..." in 2 vols*]. Ed. by A.A. Takho-Godi; comp. and comments by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi, V.P. Troitskii; preface by E.A. Takho-Godi. Moscow, Vremia Publ., 2002. (In Russ.)

10. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremia* [*Vladimir Solovyov and His Time*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 617 p. (In Russ.)

11. Losev, A.F. "O mifologii v literature" ["On Mythology in Literature"]. Ed., comments by E.A. Takho-Godi. *F.M. Dostoevskii i kul'tura Serebrianogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [*F.M. Dostoevsky and Silver Age Culture: Traditions, Interpretations, Transformations*], ed. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi; comp. by E.A. Takho-Godi, Moscow, Vodolei Publ., 2013, pp. 564–570. (In Russ.)

12. Losev, A.F. *Dialekticheskie osnovy matematiki* [*Dialectical Foundations of Mathematics*]. Ed. by A.A. Takho-Godi, V.P. Troitskii; afterword and comments by V.P. Troitskii. Moscow, Academia Publ., 2013. 797 p. (In Russ.)

13. Losev, A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [*The Problem of the Symbol and Realistic Art*]. Ed. by A.A. Takho-Godi, V.P. Troitskii. Moscow, Russkii mir Publ., 2014. 736 p. (In Russ.)

14. Losev, A.F. *Uchenie o stile* [*The Study of Style*]. Ed., comp. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi; preface by K.V. Zenkin. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019. 456 p. (In Russ.)

15. Losev, A.F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k "Dialektike mifa" (novoe akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe)* [*The Dialectics of Myth. Supplement to "The Dialectics of Myth" (New*

Academic Edition, Revised and Supplemented)]. Ed., preface by A.A. Takho-Godi and V.P. Troitskii; comments by V.P. Troitskii. Moscow, Izdatel'skii dom IaSK Publ., 2021. 696 p. (In Russ.)

16. Losev, A.F., and Loseva, V.M. *"Radost' na veki": Perepiska lagernykh vremen* [*"A Joy Forever": Correspondence of the Times in the Labor Camp*]. Ed., comp., comments by A.A. Takho-Godi, V.P. Troitskii; preface by A.A. Takho-Godi; afterword by E.A. Takho-Godi. Moscow, Russkii put' Publ., 2005. 263 p. (In Russ.)

17. Takho-Godi, E.A. *Khudozhestvennyi mir prozy A.F. Loseva* [*The Artistic World of A.F. Losev's Fiction*]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007. 399 p. (In Russ.)

18. Takho-Godi, E.A. "A.F. Losev i F.M. Dostoevskii (losevskii doklad 1983 goda v Dome literatorov)" ["A.F. Losev and F.M. Dostoevsky (Losev's 1983 Report at the House of Writers)"]. *F.M. Dostoevskii i kul'tura Serebrianogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [*F.M. Dostoevsky and Silver Age Culture: Traditions, Interpretations, Transformations*], ed. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi comp. by E.A. Takho-Godi, Moscow, Vodolei Publ., 2013, pp. 557–563. (In Russ.)

19. Takho-Godi, E.A. " 'My — tol'ko vspleski na obshchem more bytiia': O motivakh 'Nebesnoi Rodiny', 'zhertvy' i 'mirovogo dreva' v rasskaze Alekseia Loseva 'Zhizn'" ["'We Are Only Splashes on the Common Sea of Existence': On the Motifs of 'Heavenly Homeland', 'Victim' and 'World Tree' in the Story *Life* by Alexei Losev"]. *Russkaia slovesnost'*, no. 5, 2018, pp. 82–89. (In Russ.)

20. Takho-Godi, E.A. "'Filosofiia zhizni' A.F. Loseva: novye materialy k teme. Losev A.F. Zhizn'. Publikatsiia i podgotovka teksta E.A. Takho-Godi ["'Philosophy of Life' by Aleksei F. Losev: New Materials on the Problem. Losev, A.F., *Life*, E.A. Takho-Godi (ed.)"]. *Voprosy filosofii*, no 12, 2021, pp. 173–183. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-173-183 (In Russ.)

21. Dimitrov, Emil. "Dostoevski i Losev: K'm v'prosa za obshhuvaneto v 'goljamoto vreme'" ["Dostoevsky and Losev: To the Question of Communication in the 'Big Time'"]. *Filosofski alternativi*, no. 4, 2007, pp. 75–87. (In Bulgarian)

Статья поступила в редакцию: 12.06.2022
Одобрена после рецензирования: 12.06.2022
Принята к публикации: 13.06.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 12 July 2022
Approved after reviewing: 12 July 2022
Accepted for publication: 13 July 2022
Date of publication: 25 Sept. 2022